

А. Х. Халиков

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ ТЮРКИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

Области Среднего Поволжья и Приуралья — один из многонациональных районов Восточной Европы, заселенный преимущественно представителями финно-угорской (мари, мордва, удмурты, коми), тюркской (поволжские татары, башкиры, чувашаи) и индоевропейской (русские) языковых общностей. Почти две трети из них составляют народы, говорящие на тюркских языках (42% татары, 12% чувашаи и 10% башкиры).

Исследователи единодушно приходят к мнению, что коренными насельниками края являлись финно-угорские народы, для которых области Среднего Поволжья и Приуралья были не только местом формирования их этнической основы, но и общей финно-угорской прародиной¹. Не вызывает сомнения и факт относительно позднего появления в крае русского населения, в своей основной массе переселившегося сюда не ранее XVI в. с уже оформленными языком и культурой².

Значительно более сложными представляются процессы формирования тюркоязычных народов, предки которых первоначально обитали далеко за пределами Поволжья и Приуралья и появились здесь лишь в определенные исторические эпохи.

Проблеме происхождения тюркоязычных народов Среднего Поволжья и Приуралья посвящена обширная литература³, однако до сих пор вопрос о происхождении ни одного из современных тюркоязычных народов края не может считаться решенным. Более того, множество теорий и предположений, созданных вокруг этой проблемы, привело к значительному усложнению ее главных аспектов и потребовало детального изучения фактического материала.

Одним из таких аспектов является вопрос о начале тюркизации Приуралья и Поволжья, т. е. времени проникновения сюда тюркоязычных племен. В этом отношении у современных исследователей нет единого мнения.

Одна группа ученых полагает, что лишь с приходом болгар в Поволжье (VII—XIII вв.) здесь распространились тюркские языки⁴. Кроме А. П. Смирнова, до последнего времени остающегося сторонником этой теории⁵, эту точку зрения, вошедшую и в «Советскую историческую

¹ П. Н. Третьяков, К вопросу о возникновении и древней истории финно-угорских племен Поволжья. Этногенез мордовского народа, Саранск, 1965, стр. 7, сл.; А. Х. Халиков, У истоков финно-угорских народов. Происхождение марийского народа, Йошкар-Ола, 1967.

² Е. П. Бусыгин, Русское население Среднего Поволжья, Казань, 1966, стр. 46, сл.

³ См. краткую характеристику литературы по этой проблеме в следующих публикациях: «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», М., 1967, стр. 31 сл.; В. Ф. Каховский, Происхождение чувашского народа, Чебоксары, 1964; Р. Г. Кузеев, С. Н. Шитова, Башкиры. Историко-этнографический очерк, Уфа, 1963.

⁴ «История СССР в 12 томах», т. I, М., 1966, стр. 475.

⁵ А. П. Смирнов, Об археологических культурах Среднего Поволжья, «Сов.

энциклопедию»⁶, отстаивают некоторые историки (Ш. Ф. Мухамедьяров)⁷ и этнографы (Н. И. Воробьев)⁸.

Безоговорочно придерживаются ее и современные чувашские историки (В. И. Дмитриев, В. Ф. Каховский, П. И. Денисов и др.), ведущие происхождение чувашского народа от болгаро-сувазских племен, проникших, по их мнению, в Поволжье не ранее VII—VIII вв.⁹

Другая группа ученых еще в 1920-х годах выдвинула предположение о добулгарской тюркизации не только Приуралья, но и Среднего Поволжья. Так, М. Г. Худяков считал, что она сыграла определяющую роль в появлении чувашей¹⁰. Эту же мысль высказывал и В. В. Бартольд, писавший, что чувашаи являются «остатками того первого по времени переселенческого движения из Средней Азии в Европу, главными представителями которого были хунну»¹¹.

Позднее, в 1950—1960 гг., были получены обширные материалы, которые подтверждали, что задолго до булгар, не позднее III—IV вв. н. э., начинается тюркизация Приуралья и Поволжья. В. Ф. Генинг в ряде статей ориентировочно наметил археологические памятники края этого времени, в создателях которых он считал возможным видеть тюркоязычные племена¹².

Среди сторонников добулгарской тюркизации края были и такие (Н. Н. Фирсов, С. Е. Малов, Н. Ф. Калинин), которые считали возможным говорить вообще о местном, автохтонном формировании тюркоязычных племен в крае, и в связи с этим предпринимали их поиски в среде даже ананьинского населения¹³. Однако эту точку зрения в настоящее время уже никто не поддерживает.

Наконец, в последние годы казанские, а также башкирские археологи высказали предположение о неоднократной добулгарской тюркизации Приуралья и Поволжья и о решающей роли этого процесса в формировании тюркоязычных народов края¹⁴.

Широкие археологические исследования, проведенные в послевоенные годы на территории Среднего Поволжья, Прикамья и Приуралья, показали, что до первых веков нашей эры культурная и этническая целостность населения указанных районов не нарушалась. Почти на всей этой обширной территории продолжали обитать потомки ананьинских племен, финно-угорская принадлежность которых ни у кого не вызывает сомнения.

Но не позднее середины I тысячелетия н. э. в этническом составе населения Волго-Камья происходят серьезные изменения, вызванные в первую очередь достаточно мощным внедрением извне, главным образом из-за Урала, инокультурных племенных групп.

археология», 1968, № 2, стр. 66; «Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар», «Историко-археологический сборник МГУ», 1962, стр. 161 сл.

⁶ «Советская историческая энциклопедия», т. 2, стр. 582.

⁷ «Очерки истории СССР IX—XV вв.», ч. II, М., 1954, стр. 718; Ш. Ф. Мухамедьяров, Основные этапы происхождения и этнической истории татарской народности. «Proceedings VIII-th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences, 1968, Tokyo and Kyoto», vol. II — «Ethnology», p. 53—56.

⁸ «Народы Европейской части СССР», II, М., 1964, стр. 599, 636.

⁹ В. Ф. Каховский, Указ. раб.

¹⁰ М. Г. Худяков, К вопросу о происхождении чувашей, «Изв. О-ва обследования и изучения Азербайджана», Баку, 1927.

¹¹ В. В. Бартольд, Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народов, Л., 1926, стр. 5.

¹² В. Ф. Генинг, К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в I тыс. н. э., сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1962, стр. 334 сл.; его же, К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии нашей эры, «Археология и этнография Башкирии», т. II, Уфа, 1964, стр. 125 сл.

¹³ Сб. «Происхождение казанских татар», Казань, 1948, стр. 96.

¹⁴ «История Татарской АССР», Казань, 1968, стр. 35.

Когда же начались эти изменения? С какими общеисторическими процессами они связаны? И что существенного они внесли в этническую историю края? Ряд современных исследователей считает, что изменения начались в III—IV вв. и были связаны с внедрением в край полукочевых, вероятно тюркоязычных племен, с которыми, по их мнению, можно увязать происхождение и племен так называемой именьковской культуры. Значительное внимание этой проблеме уделил в своих исследованиях В. Ф. Генинг, считающий, что начало новой эпохи «в Прикамье отмечено мощным притоком многочисленных новых групп населения, что достаточно хорошо датируется III в. н. э.». Он полагает, что эти группы населения происходили из Зауралья и Западной Сибири, откуда они были сдвинуты натиском все новых и новых волн кочевников, двигавшихся из Центральной Азии¹⁵.

Действительно, области Приуралья и, может быть, Прикамья значительно раньше, чем остальные районы Восточной Европы, испытали воздействие начавшегося в первых веках нашей эры движения центрально-азиатских кочевников-гуннов. Известно, что в середине II в. хунну — предки европейских гуннов — уже появились на берегах Каспийского моря¹⁶. Этим же временем датируется начало замены позднесарматских памятников Нижнего Поволжья памятниками гуннского типа¹⁷. Следовательно, не позднее II в. гуннские орды, вероятно, в основе своей тюркоязычные¹⁸, уже вышли в Восточную Европу и вплотную придвинулись к Нижней Волге. Очевидно, в это же время теснимые гуннами сибирские (скорее всего, из степных и южных лесостепных районов), а может быть и собственно гуннские, племена из степей Южного Урала подымаются на север — в бассейны рек Белой и Камы. В связи с этим хотелось бы остановиться на некоторых фактах археологического порядка.

Не позже II или самое позднее — рубежа II—III вв. перестают существовать родственные племена кара-абызской (Башкирское Приуралье)¹⁹ и пьяноборской (Прикамье)²⁰ культур.

Но в это же время в западных районах Среднего Поволжья появляются памятники типа курганных могильников у с. Писералы²¹ и Андреевка²², а также грунтовые могильники типа Кошибеевского, Старшего Селиксенского, Ражжинского и др.²³, несущие в своей культуре позднепьяноборские и позднесарматские черты.

Вторжение в Башкирское Приуралье и Прикамье пришлых племен подтверждается появлением здесь резко отличных по культуре памятников типа Тураевских курганов и возникновением новых культур — бахмутинской, мазунинской, ранней ломоватовской²⁴.

Вопрос об этносе и происхождении носителей этих культур и памят-

¹⁵ В. Ф. Генинг, Проблемы изучения железного века Урала, «Вопросы археологии Урала», вып. 1, Свердловск, 1961, стр. 39, 40.

¹⁶ В. В. Латышев, Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе, ВДИ, 1948, № 1, стр. 240.

¹⁷ И. В. Синицын, Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, «Уч. зап. Саратовского гос. ун-та», т. XVII, 1947, стр. 12 сл.; И. И. Засецкая, О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья, «Сов. археология», 1968, № 2, стр. 53.

¹⁸ Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, «Живая старина», 1896, вып. III—IV, СПб., стр. 290.

¹⁹ А. Х. Пшеничнюк, Население центральной Башкирии на рубеже н. э., Автореф. канд. дис., Уфа, 1967.

²⁰ В. Ф. Генинг, Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры, «Вопросы археологии Урала», вып. 4, Свердловск, 1962.

²¹ А. Х. Халиков, Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа, «Труды Марийской археол. экспедиции», т. II, Йошкар-Ола, 1961, стр. 135 сл.

²² П. Д. Степанов, Андреевский курган, сб. «Этногенез мордовского народа», Саранск, 1965, стр. 47 сл.

²³ М. Р. Полесских, Ранние памятники материальной культуры мордвымокши, сб. «Этногенез мордовского народа», Саранск, 1965, стр. 176.

²⁴ В. Ф. Генинг, Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа, «Труды Каз. фил. АН СССР», вып. 2, Казань, 1959, стр. 184.

ников остается до сих пор еще спорным. Если А. П. Смирнов и Н. А. Мажитов полагают, что бахмутинские племена выросли на базе местных племен позднетьяноборского типа²⁵, то В. Ф. Генинг, В. А. Оборин, С. М. Васюткин и др.²⁶ определяют бахмутинские, мазуниинские, тураевские и харинские племена как пришлые из-за Урала угорские и даже самодийские племена. С пришлым характером харинских племен согласен и А. П. Смирнов, но он считает их этнически не уграми, а сарматами²⁷.

М. С. Акимова на основе изучения антропологических материалов также приходит к выводу, что не позднее III в. н. э. состав населения Приуралья начинает меняться, но эти изменения не привели еще к коренной смене населения и коснулись больше южных, чем северных районов²⁸.

Очевидно, в это время в среду местного населения проникали еще не столь чужеродные племена; вполне возможно, что это были древние племена Зауралья, в какой-то степени близкие по культуре и языку местному населению западного Приуралья. Но не исключено, что среди пришельцев имелись и чужеродные группы. К последним в первую очередь следует отнести население, оставившее Тураевский курганный могильник. К сожалению, антропологический материал из этого памятника не изучен, поэтому трудно ответить на вопрос, насколько тураевское население отличалось от местных (пьяноборских) племен в антропологическом отношении. Но в культурном отношении оно отличалось достаточно резко.

Тураевский курганный могильник, представляющий собой уникальное место захоронения военных предводителей, датируется III—IV вв. н. э.²⁹ В погребальном обряде могильника (курганные насыпи с кольцевидными канавками, глубокие ямы с каменными закладками, стенки ям со ступеньками или боковыми подбоями, следы ритуальных кострищ) легко прослеживаются параллели с кочевническими курганами Южной Сибири и севера Средней Азии. Так, в частности, кольцевая обкладка насыпей камнями, в редких случаях окружение их неглубокими канавками, характерны для усуньских курганов Казахстана³⁰. Большая глубина ям также специфична для могильников Казахстана второй половины I тысячелетия до н. э. и начала нашей эры. Здесь же нередки и перекрытия из деревянных бревен или из каменных плит внутри могил. Усложнение форм ям, появление вдоль их стенок ступенек, уступов и подбоев считается свойственным могильникам восточного Казахстана и Южной Сибири с I в. до н. э. по III—IV вв. н. э. Наконец, преимущественно западная ориентация погребенных с отклонением к северу, реже к югу характерна для поздних усуньских захоронений II—III вв. н. э.³¹

Среди богатого и разнообразного погребального инвентаря Тураевских курганов немало вещей среднеазиатского происхождения. Таковы остатки кольчуг, появившихся впервые в Средней Азии в кушанское время³². Среднеазиатское, скорее парфянское, происхождение имеет

²⁵ А. П. Смирнов, Железный век Башкирии, МИА, № 58, М., 1957, стр. 54; Н. А. Мажитов, Бахмутинская культура, М., 1968, стр. 64.

²⁶ В. Ф. Генинг, Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа, стр. 202, 203; О. Н. Бадер и В. А. Оборин, На заре истории Прикамья, Пермь, 1958, стр. 139 сл.; С. М. Васюткин, Некоторые спорные вопросы археологии Башкирии I тысячелетия н. э., «Сов. археология», 1968, № 1, стр. 59 сл.

²⁷ А. П. Смирнов, Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья, МИА, № 28, М., 1952, стр. 80.

²⁸ М. С. Акимова, Антропология древнего населения Приуралья, М., 1968.

²⁹ В. Ф. Генинг, Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье, «Вопросы археологии Урала», вып. 2, Свердловск, 1962, стр. 80.

³⁰ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев, Древняя культура саков и усуней долины реки Или, Алма-Ата, 1963, стр. 240 сл.

³¹ Там же, стр. 247—249.

³² С. П. Толстов, По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 148; К. А. Иностранцев, Сасанидские этюды, СПб., 1909, стр. 69—71.

железный меч с орнаментированной завитками, крылатками и пирамидальными лестничками рукояткой³³. Очевидно, среднеазиатской работой является также и железный шлем, инкрустированный серебряными с позолотой накладками в виде уступчатых зубцов-мерлонов, чрезвычайно характерных для искусства Средней Азии античного времени³⁴.

Все эти данные позволяют полагать, что Тураевские курганы и близкие им памятники этого района Прикамья оставлены племенами сибирского (казахстанского) и северосреднеазиатского происхождения. Последние, по мнению большинства исследователей, в I—II вв. н. э. входили в обширную конфедерацию древнетюркских племен под гунно-сяньбийской гегемонией³⁵. Если это так, то очевидно, что с этих племен мы должны начинать и период тюркизации Приуралья.

Пришлые племена первоначально еще не выходили далеко за пределы бассейнов рек Белой и Средней Камы, и оттесненное ими население пьяноборской культуры в III—IV вв. продолжало обитать на территории Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья³⁶. Но не позже рубежа IV—V вв. на территории не только Приуралья, но и Среднего Поволжья появляются новые этнокультурные группировки, очевидно связанные со второй, основной волной гуннского нашествия на Европу. Различные исследователи объединяют памятники этих пришлых племен в несколько групп. В. Ф. Генинг относит к середине I тысячелетия существование в Приуралье и Прикамье таких культур, как бахмутинская (Бирский могильник), именьковская, кушнаренокская (включая сюда памятники типа Турбаслинских курганов и Романовского поселения), салиховская. Он считает, что население этих культур было неоднородным и состояло из древних тюркоязычных (кушнаренокские и именьковские) и угроязычных (бахмутинцы) племен³⁷. Н. А. Мажитов полагает, что на рубеже IV—V вв. «под натиском гуннов в Западное Приуралье пришла большая группа кочевников типа турбаслинских племен», которые были, по его мнению, носителями древнетюркского языка³⁸. Бахмутинские племена Н. А. Мажитов считает в основе угорскими³⁹. С. А. Васюткин выделяет чегыре группы пришлых племен — романовскую, турбаслинскую и кушнаренокскую в Башкирском Приуралье и именьковскую в Нижнем Прикамье⁴⁰. Он, однако, отрицает какое-либо участие тюркоязычных племен в формировании указанных групп и полагает возможным увязывать этнос бахмутинских и именьковских племен с финно-уграми, романовских — со смешанными сарматами и финно-уграми, турбаслинских — с сармато-аланами и кушнаренокских — с уграми. Отсутствие тюркоязычных племен среди населения Приуралья и Волго-Камья середины I тысячелетия, как уже отмечалось выше, неоднократно подчеркивал и А. П. Смирнов⁴¹.

Обратимся к материалам. В недавно вышедшей работе П. Н. Старостин достаточно убедительно показал, что не позже рубежа IV—V вв.

³³ В. Ф. Генинг, Тураевский курганный могильник, стр. 76, рис. 302. Мечи такого типа были широко распространены в Средней Азии в I—IV вв. н. э. См.: Б. А. Литвинский, Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы, «Сов. археология», 1967, № 2, стр. 29.

³⁴ Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, История искусств Узбекистана, М., 1965, стр. 51.

³⁵ «История Сибири», т. I. Л., 1968, стр. 257.

³⁶ В. Ф. Генинг, Азелинская культура, «Вопросы археологии Урала», Свердловск, 1963, стр. 126 сл.

³⁷ В. Ф. Генинг, К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тыс. н. э., стр. 121 сл.

³⁸ Н. А. Мажитов, Об этническом составе населения Северной Башкирии в конце I тыс. н. э., «Итоговая научная сессия Института истории, языка и литературы БФАН за 1967 г.», Уфа, 1968, стр. 49 сл.

³⁹ Н. А. Мажитов, Бахмутинская культура, стр. 74 сл.

⁴⁰ С. А. Васюткин, Указ. раб., стр. 63 сл.

⁴¹ А. П. Смирнов, Железный век Башкирии, стр. 50—52.

значительные районы лесостепи Среднего Поволжья, Нижнего Прикамья и среднего течения Белой были заселены родственными земледельческо-скотоводческими племенами — именьковскими в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье, романовскими в среднем течении Белой. Культура этих племен характеризуется поселениями с домами-полуземлянками подквадратной или прямоугольной формы с остатками печей типа чувалов, могильниками с обрядом трупосожжения на стороне (Рождественский, Байчугинский, Уфимский-Пушкинский и др.), плоскодонной грубой глиняной посудой, глиняными фигурками животных и людей и т. п.⁴²

Как особую группу, близкую именьковско-романовскому кругу, следовало бы выделить и памятники типа Турбаслинских курганов, которые вместе с рядом курганных могильников в окрестностях Уфы локализируются в бассейне среднего течения Белой. Эта группа может быть характеризована поселениями (II Ново-Турбаслинское) с теми же домами-полуземлянками прямоугольной или подквадратной формы и очагами в специальных конструкциях типа чувалов; курганными могильниками (Турбаслинский, Орджоникидзеvский парк, IV Уфимский и др.) с невысокими насыпями, глубокими ямами, часть которых имеет заплечики, иногда подбой-ниши; ориентацией погребенных головой на север и северо-запад; жертвенными комплексами в виде ног, хвоста и головы лошади. Нередко головы погребенных у турбаслинцев имели следы искусственной поперечной деформации⁴³. Керамика выступает в смешанном комплексе, кроме собственно турбаслинской, в виде округлодонных сосудов с высоким цилиндрическим горлом, имеются плоскодонные горшки именьковско-романовского типа и округлодонные цилиндрические сосуды с изящным орнаментом так называемого кушнаренковского типа. На II Ново-Турбаслинском поселении присутствует керамика и бахмутинского типа — округлодонная с беспорядочно разбросанными ямчатыми наколами на поверхности тулова.

Такой же смешанный облик имела, очевидно, культура населения Бирско-кушнаренковского типа бассейна р. Белой, представленная материалами Кушнаренковского могильника и поздней группой погребений Бирского могильника. Эти материалы в основном относятся к V—VI вв. Они характеризуются грунтовыми могильниками с абсолютным преобладанием обряда трупоположения в глубоких ямах с ровными стенками или с нишами-подбоями в изголовье. Погребенные ориентированы головой на север с некоторым отклонением к западу. Нередки ритуальные комплексы в виде ног и хвоста, реже головы лошади. Сопровождающая керамика состоит из двух типов сосудов — турбаслинского и кушнаренковского. В Кушнаренковском могильнике к этим сосудам примешивается группа именьковско-романовских плоскодонных горшков, в Бирском могильнике — округлодонных бахмутинских сосудов. В обоих могильниках отмечены черепа с искусственной деформацией⁴⁴.

Выделенные три группы памятников, несмотря на значительное своеобразие каждой из них, имеют несомненные связи между собой. Так, в керамическом комплексе именьковской культуры нередко сосуды с цилиндрическим горлом и хорошо заглаженной поверхностью, напоминающие турбаслинские сосуды. Здесь же встречены отдельные фрагменты сосудов кушнаренковского типа с изящным орнаментом. В свою очередь в материалах и курганных могильников турбаслинского типа и грунтовых могильников кушнаренковского типа обычны плоскодонные сосуды именьковского облика и спорадически встречаются погребения с трупосожжениями. Для именьковских и турбаслинских поселений характерны однотипные жилища — полуземлянки с очагами на подстав-

⁴² П. Н. Старостин, Памятники именьковской культуры, «Свод археологических источников», Д 1-32, М., 1967.

⁴³ М. С. Акимова, Указ. раб., стр. 72.

⁴⁴ М. С. Акимова, Указ. раб., стр. 56, 64.

ках, очевидно остатками печей типа чувалов. Наконец, для всех указанных групп характерно распространение однотипных орудий труда и оружия, украшений и предметов одежды, ритуальных фигурок и подвесок и др. Но все же едва ли мы можем говорить об абсолютном родстве и культурном единстве указанных групп. Отмеченные черты близости, очевидно, следует объяснить различными причинами — одной исторической эпохой, контактами и связями и т. п. Но нельзя исключать и того, что все эти группы появляются в Приуралье и Прикамье в одно и то же время (не позже рубежа IV—V вв.) и, вероятно, из одних и тех же районов. Иначе говоря, не исключен и общий исток носителей этих культур.

В целом мы можем утверждать, что не позднее рубежа IV—V вв. в южных районах Волго-Камья от среднего течения Белой на востоке и до среднего течения Суры на западе появляются новые группы населения, для которых были характерны два типа погребального обряда (трупосожжение на стороне с помещением праха в небольших ямах вместе с плоскодонными сосудами; трупоположение в грунтовых или курганных могильниках с помещением умерших в глубоких ямах иногда с заплечиками и нишами-подбоями, преимущественно северная ориентация таких погребенных, наличие в могильниках шкур лошадей). Для этих групп населения характерно также: искусственная поперечная деформация головы; дома-полужемлянки подквадратной формы с печами типа чувалов; три типа посуды — плоскодонные горшки, округлодонные сосуды с цилиндрическим горлом без орнамента и подобные же, но с изысканной, преимущественно нарезной или прочерченной орнаментацией.

Если мы обратимся к поискам истоков этих племен, то в первую очередь ближайшие параллели откроются в гунно-сарматских памятниках Нижнего Поволжья и степей Прикаспия. Здесь еще во II в. н. э., т. е. со времени начавшегося проникновения гуннских племен, распространяются «необычные для сарматского погребального обряда черты — замена южной ориентации погребенных северной, а также обычай деформации головы»⁴⁵. Последней четвертью IV и первой половиной V в. в этих же районах датируются кочевнические памятники, которые, по мнению ряда исследователей, были оставлены гунно-тюркскими племенами. В частности, Н. А. Баскаков полагает, что вышедшие в Восточную Европу гуннские племена были древнейшими тюркоязычными племенами, вернее, западной ветвью раннетюркских «огурских» племен, продвинувшихся в сторону Средней Азии, Приуралья и Северного Причерноморья и здесь позднее возглавивших огуру-булгарские и огуру-хазарские союзы⁴⁶.

Показательно, что нижневолжские памятники, представленные в основном курганными могильниками, содержат следы тех же погребальных обрядов, что и могильники середины I тысячелетия н. э. в Волго-Камье. Один из этих обрядов связан с трупосожжением (курганы у г. Покровка ныне Энгельса, у с. Ровное, Нижняя Добринка, Высокое, Усть-Караман, Отроговка, Бородаевка I Саратовской области по левому берегу Волги). Причем сожжение производилось на стороне, а затем прах вместе с полуобожженными вещами переносили на другое место и над ними насыпали курган⁴⁷. Иногда вместе с прахом помещали грубо вылепленные плоскодонные горшковидные неорнаментированные сосуды (курган 42 у с. Ровное)⁴⁸. Последние по форме, да и по составу

⁴⁵ И. И. Засецкая, Указ. раб., стр. 52 (разрядка моя.— А. Х.). Как известно, обычай деформации головы бытовал также у сибирских племен IV—V вв., см.: М. П. Грязнов, История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Б. Речка, МИА, 48, М.—Л., 1956, стр. 112.

⁴⁶ Н. А. Баскаков, Этнолингвистическая классификация диалектных систем современных тюркских языков, VII МКАЭН, М., 1964, стр. 1.

⁴⁷ И. И. Засецкая, Указ. раб., стр. 58.

⁴⁸ Р. Рау, Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des Deutschen Wolgebietes im Jahre 1926, Pokrowsk, 1926, S. 72—76, B. 67—70.

теста напоминают ~~железные~~ ~~сосуды~~ Именьковский обряд кремации в общих деталях сходен с обрядом трупосожжения Саратовского Поволжья. В обоих случаях кремация производилась на стороне, в погребальный костер бросали одежду, прах сожженного помещали в яму или под насыпь без сопровождения инвентарем, за исключением глиняной посуды. Отличие лишь в том, что у именьковцев могильники грунтовые, у нижеволжцев курганные.

Второй обряд — труположение в простых и иногда глубоких ямах со следами подбоев. Погребенные лежат на спине, головой на север или северо-восток. В ряде случаев отмечена поперечная деформация черепов. Обычны в могилах кости коровы, лошади, овцы. В двух погребениях (курган 4, погр. 3 у с. Верхне-Погромное Волгоградской области и погр. 2 кургана 36 у г. Покровска Саратовской области) обнаружены кости ног и черепа лошади, т. е. остатки шкуры⁴⁹. Как мы видели выше, эти особенности погребального обряда появляются в бассейне р. Белой лишь вместе с турбаслинскими и кушнарниковскими племенами.

Кроме погребального обряда, с волго-камскими памятниками в основной своей массе совпадает и погребальный инвентарь — черешковые и втульчатые железные и костяные наконечники стрел, поясные пряжки и височные подвески и т. п. К сожалению, на Нижней Волге мы не имеем поселений этого времени, поэтому массовый материал (керамика, глиняная пластика и т. п.) не сопоставим. Но все же есть все основания утверждать непосредственную и генетическую связь погребений гуннского времени Нижнего Поволжья и Волго-Камья. И если первые рассматриваются рядом исследователей как гунно-тюркские⁵⁰, то, очевидно, и часть пришлого в Волго-Камье населения мы должны будем увязать с этим же этносом. Очевидно, с этим же гунно-тюркским миром следует увязывать появление в материалах турбаслинских, кушнарниковских, бирских и именьковских памятников металлических или глиняных мужских фигурок, рядом исследователей определяемых как своеобразный гуннский атрибут⁵¹.

Любопытно, что гунно-тюркские погребения южных районов рубежа IV—V вв. располагаются двумя территориальными группами — на западе, ближе к Волге, размещаются памятники с трупосожжением, тогда как в более восточных районах сосредоточены памятники с труположением. Но так же располагаются памятники этого времени и в Волго-Камье: в Поволжье, т. е. в западных районах, сосредоточены именьковские племена с обрядом трупосожжения, а в бассейне р. Белой — с обрядом труположения. Вероятно, это закономерно. Вполне возможно, что выход племен с обрядом трупосожжения в Волго-Камье шел по Волге, а с обрядом труположения — по предгорьям Урала.

Итак, мы установили, что на рубеже IV—V вв. в Волго-Камье хлынули мощным потоком новые группы пришельцев, среди которых были, вероятно, тюркоязычные племена. Новые пришельцы вступили в достаточно активные контакты с предшествующим населением, что нашло известное отражение не только в археологических материалах этого времени, но и зафиксировалось в языке некоторых местных финно-угорских народов, а также в древнейших топонимических пластах.

Пришлое население, заселившее бассейн Белой, нижнего течения Камы и значительную часть Среднего Поволжья, контактировало собственно со следующими этнокультурными группами Прикамья и По-

⁴⁹ И. И. Засецкая, Электровая диадема из погребений у с. Верхне-Погромное в Нижнем Поволжье, «Сообщение Эрмитажа», XXVII, Л., 1966, стр. 54—59.

⁵⁰ В. В. Гольмстедт, Археологические памятники Самарской губ., «Труды СА РАНИОН», IV, 1928, стр. 135—137; I. W e g n e r, Beiträge zur Archäologie des Atilla-Reiches, München, 1956; И. И. Засецкая, О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья, стр. 61.

⁵¹ И. Т. Кругликова, Погребение IV—V вв. в дер. Айвазовское, «Сов. археология», 1957, № 2.

волжья, которые мы можем считать финно-язычными в своей основе. На востоке, в бассейне среднего и верхнего течения Камы, к III—IV вв. еще сохранялись позднеголяденовские племена с характерными для них могильниками с обрядом трупосожжения⁵². Но где-то на грани IV—V вв. и сюда вторгаются пришельцы, принесшие курганный обряд захоронения, обычай деформации головы и материальную культуру, сходную с культурой Турбаслинского, Бирского и других могильников. Вполне вероятно, что к этому времени, т. е. к середине (IV—V вв.) I тысячелетия, относится проникновение в пермские языки (удмуртский, коми-пермяцкий и коми-зырянский) ряда древнетюркских лексических заимствований⁵³.

Но особенно активными были контакты пришлых (прежде всего именьковских) племен с местными позднеголяденскими (азелинскими) племенами в Нижнем Прикамье и Среднем Поволжье. Как справедливо замечает П. Н. Старостин, часть позднеголяденских племен была ассимилирована пришельцами и вошла в состав именьковского населения⁵⁴. В дальнейшем именьковские племена сосуществовали с азелинским населением. Не исключено, что в азелинской среде иногда проживали и именьковские выходцы. Показателен в этом отношении факт обнаружения следов трупосожжения именьковского типа (скопление пережженных костей рядом с плоскостонным сосудом) в Вичмарском могильнике на Вятке⁵⁵. В результате таких контактов в азелинскую среду внедрили такие новые явления культуры и экономики, как пашенное земледелие и коневодство. Широкое распространение получил в идеологии культ коня (многочисленные изображения лошадей, известны случаи, когда в могилу клали не только шкуру коня, но и всю тушу)⁵⁶. Были заимствованы отдельные типы оружия (мечи, шлемы, кольчуги)⁵⁷ и, что особенно важно, ряд этнографических деталей женской одежды — женские нагрудники-передники, широкие пояса и полусферические шапочки типа такы.

Замечательно, что эти детали одежды затем сохраняются в этнографических материалах чувашей. Так, прямоугольные нагрудники азелинских женщин не только по форме, но и по характерной расшивке их медными накладками, бусами и т. п.⁵⁸ сближаются с чувашскими женскими нагрудниками — девичьими шулкеме и женскими сурпансаки. Последние — «полоски кожи размером 20—25 на 14—15 см, покрытые мелкими старинными монетами, а по краям бисером и раковинами — каури»⁵⁹.

Как отмечает Н. И. Воробьев, «у верховых чуваш обязательной принадлежностью праздничного наряда были плетеные крупными кистями пояса; к ним прикреплялись „сара“ — полоски кумача размером 5—10×12—20 см, покрытые вышивкой и аппликацией, позументом, пуговицами, бляшками и т. п., с длинными кистями или бахромой»⁶⁰. В азелинских материалах известны женские пояса в виде широкого кожаного ремня, покрытого медными накладками и халцедоновыми дисками. Спереди «к поясу пришивалось по шесть фемешков, сплошь увязанных медными обоймочками с подвесками-уточками на концах. Такие кисти свисали от пояса до колен»⁶¹.

⁵² О. Н. Бадер, В. А. Оборин, Указ. раб., стр. 149.

⁵³ В. И. Лыткин, Пермские языки, «Языки народов СССР», III, М., 1966, стр. 258.

⁵⁴ П. Н. Старостин, Указ. раб., стр. 31.

⁵⁵ Е. И. Горюнова, Вичмарский могильник, «Проблемы истории докапиталистических обществ», М.—Л., 1934, № 9—10, стр. 156.

⁵⁶ А. Х. Халиков, Указ. раб., стр. 177.

⁵⁷ В. Ф. Геннинг, Азелинская культура, стр. 25, 26.

⁵⁸ Там же, стр. 45 сл.

⁵⁹ Н. И. Воробьев, Чуваша, «Народы Европейской части СССР», II, М., 1964, стр. 619.

⁶⁰ Там же, стр. 619.

⁶¹ В. Ф. Геннинг, Азелинская культура, стр. 43.

Но, пожалуй, наиболее интересным является сохранение у чувашей женского головного убора «хушпу» и девичьей шапки «тухья», которые «почти полностью повторяют азелинскую шапочку как по общей форме, так и по приемам расшивки поверхности»⁶².

Азелинско-чувашские параллели можно объяснить двояко — или азелинские племена испытали воздействие со стороны древнейших тюркоязычных племен (именьковские), которые послужили затем тюркской основой формирования чувашей; или и предки чувашей, и азелинцы испытали одинаковое воздействие с третьей стороны — опять-таки со стороны имениковских племен, в результате чего у них и распространились отмеченные сходные явления. Но в любом случае мы имеем основание утверждать, что имениковские племена, с которыми у азелинцев были самые тесные контакты, очевидно, являлись тюркоязычным населением. Их язык, вероятно, был близок к чувашскому. Включение в имениковскую среду азелинского компонента знаменовало собой начало формирования древнечувашских племен. Нелишне в связи с этим вспомнить и то, что появление имениковских племен в Среднем Поволжье было обусловлено гуннским нашествием на Восточную Европу, поэтому древнетюркская основа чувашского этнического процесса, вероятно, была связана с теми гунно-огурскими племенами, которые, по мнению Н. А. Баскакова, говорили, очевидно, на весьма архаичном древнетюркском языке, сохранившемся до наших дней у чувашей.

TOWARDS THE PROBLEM OF THE BEGINNINGS OF TURKIZATION OF THE VOLGA AND URALS AREAS

The question of when and by what means the Volga and Urals areas first came to be Turkicized remains, in spite of its basic importance for research in ethnogenetic problems of the Turkic-speaking peoples of Eastern Europe, practically unsolved. While one group of researchers (A. P. Smirnov, Sh. F. Muhammediarov, V. F. Kakhovsky, etc.) dates the initial Turkization of the Volga and Urals areas only from the arrival of the Bulgar tribes from the Azov area in the VII—VIII centuries, other researchers (V. V. Barthold, M. G. Khudiakov, V. F. Gening, P. A. Mazhitov, etc.) find it possible to extend this period as far back as the Hunnu invasion into Eastern Europe. Materials adduced in the article show that the conjectures of the second group of scientists are more substantial. The author arrives at the opinion that the Turkization of the Volga and Urals areas began in the III—IV centuries, and became particularly active in the IV—V centuries; it was the result of the penetration into the area of the earliest Turkic tribes from which the proto-Chuvashes originated.

⁶² Там же, стр. 55.
